

Пу́па в цветú

О себе птица Пу́па вещал исключительно в третьем лице.
И это правильно. Первого не было. Как и второго.

При том распускал хвост колесом: по́пным плюмажем, на манер гламурной курицы Павлин.
Или надменного Индюка, петуха индского: не того индского, который из Индии, а того, который инди́л.

Молвить по чести: Пу́пин хвост жидковат был да мал – куцеват для такого пафоса видного.

И не долгопёр вовсе, хоть с павлиньим, хоть с индюшачьим сравни: Попугаев-то – пúком торчит на длину в полтушки всего, считая от хлúпа, сиречь – копчика, тельце заднящяго, он же – хвостéц, или гузка...

Так и цветом хвост: чёрный. С намёком на пúрпур, но всё ж – чёрный...

Оно и выходит: смур да куцеват хвост Попугая!..

Тó, правда, кроме двух центральных, рулевых перьев: те уж длинными выпирают выстрелами, остатнее хлúповое оперенье втрое превосходя, а опахала их – от стеблá исходящие, цветом багрового, – знатными полутонами густо-красного отсвечивают.

Того ж расцвету – пунцá переливчатого, багреца, порфира – у Пу́пы и ещё два больших пера в наличии: ма́ховых, по одному на каждом крыле, счётю от внешнего краю – вторые. А ещё и пару рядков перьев малых: покровных, краем идущих по крыльям, с плеч начиная – тех, что набегающий встреч ветер первыми лóмят... Так перья те краевые Пу́пе подобными представлялись эполетам легионерским – красным, с красною же бахромою, – чем и гордился немало.

С раннего детства, с пухóв младых – восторгался Пу́па изрядным своим красным, веско и брутально добавляющим оперенье, во всём остальном же – чёрное, исключая подхвостье: собственно хлуп да прилегающую часть тушки, кои опушенé пером окраса веселенького, да не природного – крашенного недёшево в модной салоне стилистом вихлявым: в ЛГПТ-щечку, сиречь – шестью ЛГПТ-красочками, что уворованы паскудниками от многоцветья благородной Радуги. А крашено так не дизайну рáди – заради пущего срама: подстрекающего да дразнящего.

Вот тó и звалось на щебете птицы продвинутой: кружевным *или* кружáвчатым хлúпиком, что идейно равно “кружевным трусикам”, воспетым эпически людоидами Голубой планеты...

От того же вихлястого Пу́па и много чего нахватался. Стал вот разом оперье своё: “позиционировать”. Да всё как-то брэ(н)дово, возвышенно: “перье от Вриони”, да не всё “от Вриони”, местами – “от Хуччи”...

Для красного ж цвета многодívного – Попугай и словца заучил красные, небанальные, самобытные, дабы умно́стью щегольнуть в *свете высшем* – при случае, коли случай такой представится:

- цвет сангины: смесь охры с сиенской землёю,
- цвет карминный: маскулинный, сексистский, ибо только из самок червецóв кошенильных творится,
- цвет фáлунский: цвет красного домика с картофельным полем, – идиллии финской,
- цвет тициановый: золотистая медь, – так само́чи гривы любил рисовать король живописцев,
- киноварь: кровь драконья, ртути сульфид, от болезни постыдной також полезна,
- терракотовый цвет: цвет исходной земли и древних ваяний,
- жжёная умбра: хоть с охрой и схожа, да имя своё от “тени” берущая,
- и бордо: цвет вина из Бордо, от красных сортов винограда,
- и бургúнди, бургúндский: цвет винтажный, вина – от виноградов рубиновых, с пурпуром...

На большее ж Пу́пиного усердия не хватило: обилие “красных” слов да смыслов утомляло. И удручало: сокрытым в их коннотациях варварством, некомплиментарностью, неполиткорректностью.

Не хватило и Пу́пиной оперативной памяти. Впрочем, на что и хватило – забылось за ненадобностью: в *высший свет* попугаев не звали...

- ни в племенной, родовитый – надменный, кичливый по причине породистых генов, но спесивей стократ от наследных угодий, ленных выпасов, да в избытке добра, отжатого их лиходейнными предками: ви́кингами да варягами, флибустьёрами да буканьёрами, ушкúйниками да корсáрами, кáперами, печели́нгами, гёзами, приватíрами да приватизáторами, конквистáдорами, копира́стами да буржуйными компрадóрами... словом, всех мастей мироёдами-тáтями, первоначальный капитал не в первой загребающих, да и каждый раз к Марксу ограбленных всех отсылающих... что ж до “породистых генов” касаемо: поголовье в том “зверообществе высшем” – от веку рогато: и не столько по внешнему виду, сколь от самок по факту, и где-то – по культу, к Папе Сво нисходящему...

- не звали и в тот, который сам себя величал: “элита”, “соль земли”, “сливки стада”... и на который породистые – хмыкали криво, а те, кто здоровьем душевным не обделён, кто не был в подельниках самоназначенным “избранным” – кублám да тúсам, кланам да сворам, – те и вовсе на тот *высший свет* хохотали:

«... вот это – “элита”?! эти вот – “соль”?! это-то – “сливки”?! да не смешите!..»

«... вот, разве, – “слюна”, “сопли”, “сплёвки”, “что слито” – тó да, тó возможно!..»

клыки же да когти при том усердней точили:

сколько их, корбóстой наросших “элит”, “высших свётов” – отколúпано, кануло в лету! да тлеет костями: что в полях – в перемес, что в подзолах, где лес, что в расселинах скал до небес...

Всего ж хвостовых перьев у Пу́пы и было – двенадцать, так ведь тó – до встречи с Рысью.

А уж как после стало, да и осталось так безвозвратно, о том скоро поведаем.

Здесь же, к месту, добавим:

оперье хвостовое у Пу́пы, всё вместе взятое, в колесо павлинье как-то не складывалось.

Да и в индюшачье – так же.

Больше всё “как бы”:

“как бы плюмажем”,

“как бы султаном”,

“как бы веером” –

прорешным да потешным...